

В. Мохов

Пермский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭЛИТ В РОССИИ

События 1991-1993 гг. совершенно по-новому поставили вопрос о роли региональных элит на постсоветском пространстве. Лидеры регионов, казалось бы еще совсем недавно послушные и ручные, стали не только открыто заявлять о своих требованиях, но и принимать решения, противоречащие воле федерального центра. Своеволие провинции зашло настолько далеко, что Центру пришлось срочно искать новые формы взаимоотношений с регионами, поскольку угроза сепаратизма, как национального, так и регионального, оказалась слишком реальной. Региональный фактор превратился в один из важнейших ресурсов всех крупных политических сил страны в борьбе за власть. Местных лидеров стали узнавать по именам и по лицам.

Что это - игра случая, стечение исторических обстоятельств или результат каких-то процессов, развивавшихся длительное время подспудно, а теперь открыто проявивших себя?

Цель данной работы - провести анализ долговременных факторов, приведших к регионализации элит в современной России. Под регионализацией в данном случае понимается процесс выделения региональных элит из общего пространства элит как по «вертикали» (между элитами Центра и массами, между федеральными элитами и местными элитами), так и по «горизонтали» (между элитами различных регионов), сопровождающийся изменением их политического статуса, места и роли в системе властных отношений. Регионализация элит является результатом нескольких процессов, которые, развиваясь с различной скоростью и интенсивностью, «пересеклись» в начале 1990-х гг и в своей совокупности образовали феномен политического резонанса. Его суть состоит в резком, непропорционально ситуации увеличивающемся влиянии региональных элит на все политические отношения в обществе на протяжении исторически короткого промежутка времени.

К числу наиболее важных процессов, приведших к регионализации элит, можно отнести следующие: формирование особого социального слоя, отличающегося от остального населения по фактическим правам и возможностям в реализации своей политической воли; концентрация совокупности прав и полномочий в руках данного слоя по распоряжению ресурсами региона независимо (или в относительной зависимости) от воли других политических факторов; обособ-

ление как от политического Центра, так и от политизированных масс в процессе принятия решений и т.д.

Регионализация - не случайное явление в жизни общества, и было бы, вероятно, ошибочным объяснять ее возникновение только сиюминутными обстоятельствами, вызванными текущей политической борьбой. Ее причины гораздо глубже, а последствия могут оказаться более долговременными, чем это можно было бы предполагать, исходя только из ситуативного анализа. С нашей точки зрения, регионализация элит в России - результат долговременных тенденций, определяемых ходом, темпами, спецификой модернизационного процесса в СССР и России.

Модернизационный проект, осуществлявшийся в СССР с первой половины XX века, был основан на форсированных темпах проведения всех тех изменений, которые определяли индустриальное лицо страны. Проблема ресурсов для модернизации, как известно, была ключевой в понимании особенностей ее проведения. В силу сложившихся обстоятельств как политического, так и экономического плана модернизация могла осуществляться только путем широчайшего применения мер внеэкономического принуждения, тотального огосударствления общества, превращения администрирования в господствующий метод управления государством и обществом. На какой-то, исторически короткий промежуток времени, такая система дала возможность сконцентрировать ресурсы общества на создании тяжелой индустрии, военно-промышленного комплекса. Однако средства, с помощью которых было достигнуто превращение страны в индустриально развитую державу, оказались чрезмерными; они привели к тому, что роль источника социальной активности взял на себя Центр, поставив под фактический запрет своеволие и самодеятельность «низов».

Региональные элиты в данном модернизационном проекте выполняли несколько функций, но все они были вторичны по отношению к функциям Центра.

Во-первых, это была функция ретранслятора политической воли Центра по отношению к регионам. Элиты регионов в данном случае выступали как сила, предназначенная для копирования, репродуцирования матрицы политических и социальных отношений в местном сообществе. Модель отношений, сформированная под политический идеал правящей партии, а если быть точнее, то под потребности модернизационного проекта, стала распространяться по всей территории страны. Репрессии в данном контексте выполняли роль регулятора поведения, с помощью которого соблюдался стандарт модели. В этом случае гарантом того, что в каждом регионе копия не будет существенно отличаться от оригинала, предложенного центром, был политический контроль, осуществлявшийся по многим каналам как за всем населением, так и за местными элитами.

Во-вторых, это была реализация функций местного Центра по отношению к контролируемой территории. В рамках своих полномочий региональный

Центр становился последней инстанцией в разрешении большинства проблем местной жизни. Лишь экстраординарные обстоятельства могли привести к необходимости обращения за поддержкой к центральной власти.

Региональные Центры квантировали пространство социума, с помощью чего достигалась управляемость территории. Выделение регионов по каким-то критериям (единство территории, общность экономической жизни, схожесть традиций или национального состава населения, исторически сложившееся тяготение к определенному Центру и др.) увеличивало возможности эффективно регулирования в обществе.

В-третьих, региональные власти, действуя в границах, определенных Центром, в любой системе обладают значительными ресурсами для внутререгионального маневра. Даже в условиях административно-командной системы СССР, когда, казалось бы, регламентировалось все и вся, общепринятой практикой было и перераспределение ресурсов внутри регионов для строительства гигантов первых пятилеток; и перераспределение объемов сельскохозяйственных заготовок с отстающих колхозов и совхозов на передовые и др.

В-четвертых, существенна и коммуникативная функция региональных властей: именно здесь, «на местах», происходило непосредственное взаимодействие масс и власти, масс и элиты. От того, насколько удачным, органичным или просто приемлемым было это взаимодействие, зависело существование всего социума. Центр через регионы получал необходимую информацию о положении дел в обществе. Конечно, это был не единственный канал социальной информации, существовали и прямые пути, с помощью которых можно было получить представление о происходящем на местах. Однако это были наиболее институционализированные способы коммуникации, ответственность за которые возлагалась на саму региональную власть.

В-пятых, регионы играли важную роль как стабилизаторы социума. Находясь между массами, которые подвержены не всегда управляемым эмоциям и настроениям, и Центром, чье руководство (по различным причинам) могло оказывать дестабилизирующее воздействие на регионы, региональные элиты вынуждены были искать оптимум в степени реализации требований Центра и реагирования на требования масс. Сглаживая «пиковые» нагрузки требований «Центра» и «низов», региональные элиты спасали социум от «раскачивания», от неожиданных кризисов, вызванных единичными, импульсивными решениями или действиями отдельных групп, слоев населения. В этом смысле, региональный уровень элиты - наиболее консервативный элемент элит, менее всего заинтересованный в резком изменении политики. Но именно в силу этих же причин поведение региональных элит служит индикатором соотношения сил между властью в целом и массой.

Это - важнейшие (но далеко не все) функции региональной элиты, которые она выполняет в обществе. Очевидно, что по мере развития современного общества роль региональной элиты возрастает (по отношению к Центру), что обусловлено увеличением находящихся в ее руках ресурсов, расширением числа подготовленных кадров, увеличением численности населения, с которым ей приходится работать.

С нашей точки зрения, можно выделить три важнейших институциональных фактора, в рамках которых происходило видоизменение места и роли региональных элит в жизни советского социума. Это структуры государственной власти, КПСС и номенклатуры. Несмотря на их теснейшую взаимосвязь и взаимозависимость, это различающиеся структуры, имеющие свои собственные законы функционирования и сферы действия. В своей эволюции они прошли три эволюционных стадии: 1950-е - первая половина 1960-х гг.; вторая половина 1960-х гг. - середина 1980-х гг.; конец 1980-х - 1990-е гг. Следует оговориться, что, с одной стороны, это деление не является слепком традиционной схемы деления политического развития «по царям», а с другой стороны, внутренняя динамика отдельных институтов не всегда совпадает с этими общими рамками. Очевидно, что эволюция КПСС и номенклатуры завершается в 1991 г., и государственная власть претерпевает кардинальные изменения в 1990-1993 гг.

Стадия 1950-первая половина 1960-х гг. - это стадия трансформации политической системы, особенно - положения и статуса региональной элиты. Содержание этой трансформации определялось отказом от крайней централизации всего процесса управления, кроме политического; созданием обновленных (в тех рамках, в которых позволяла система) правовых и институциональных механизмов структурирования общества; передачей части полномочий центра в руки региональных элит. Даже конспективный перечень проведенных мероприятий говорит о колоссальной работе по формированию новых порядков на основе преемственности политической системы. По «партийной линии» - восстановление формальных демократических процедур партийной жизни, переход к социальному регулированию состава партии, передача значительных полномочий по руководству местной жизнью в руки региональной элиты в связи с образованием совнархозов в 1957 г. Необходимость проведения широких социальных программ, массовых политических кампаний (критика «культы личности», проведение массовой реабилитации жертв политических репрессий, внутривнутриполитическая борьба с лидерами просталинского крыла в партии и др.) объективно способствовали усилению влияния партийных властей регионов. От их позиции, как показали события, связанные с «разоблачением» антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича и др., зависела судьба власти, выбор вектора общественного развития. Существенно и другое - расширение прав местных Советов и общественных организаций приводило к тому, что местные пар-

тийные органы становились решающим звеном политического контроля за территориями. На них возлагалась вся полнота ответственности за сохранение устоев системы.

По «советской линии» произошли не менее важные изменения. Рядом законодательных актов и политических решений были созданы условия для восстановления нормальной работы местных органов власти и передачи в их ведение доли ответственности за состояние дел в регионе. На союзном уровне происходило создание правовой базы под новую модификацию политической системы. Дело в том, что правовое пространство уже не соответствовало реалиям времени, поскольку с 1920-х гг. обновление его почти не производилось (если не считать репрессивных законов). Основные кодексы СССР и РСФСР были разработаны, приняты и введены в действие в начале и середине 1920-х гг. Многие из них почти целиком устарели.¹ Поэтому со второй половины 1950-х гг. вносятся ряд изменений в Конституцию СССР и союзных республик, обновляется законодательство (в частности, принимаются основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и др.).

Наконец, принципиально стала меняться номенклатура партийных комитетов.² Здесь произошло несколько сдвигов, свидетельствовавших о серьезном перераспределении власти между Центром и регионами. Во-первых, произошло резкое сокращение региональной номенклатуры ЦК КПСС (в два - три раза), что означало, что ЦК ограничивал свое вмешательство в дела регионов по самому важному для того времени вопросу - кадровому. Во-вторых, произошло перераспределение полномочий по утверждению кадров региональной номенклатуры ЦК в пользу отраслевых отделов, что свидетельствовало об усилении позиций политической и административной бюрократии. В-третьих, региональные парткомы сосредоточили в своих руках основную долю полномочий и прав по контролю за кадрами местной номенклатуры. Это особенно существенно, учитывая, что до недавнего времени практика «тасования колод» работников между регионами была общепринятой. Ротация кадров по горизонтали носила принудительный характер и не была связана с вопросами целесообразности, а исключительно с превентивными мерами по предупреждению местничества, круговой поруки, сговора местной элиты.

Период институциональных экспериментов, как бы мы их сейчас ни оценивали, имел важные последствия. За короткий промежуток времени региональная элита избавилась от страха перед возможными политическими репрессиями за хозяйственные преступления или нарушения директив партии, приобрела опыт относительно самостоятельного распоряжения ресурсами региона, освоилась с положением хозяина региона, умеющего работать с массами даже в сложных условиях открывшейся советской либерализации режима.

Вторая половина 1960-гг. открывает период политики «сдирижированного консенсуса», характеризующей взаимоотношения правящей политической силы общества и народа, и особой формы социального и политического контракта между Центром и региональными властями, сутью которого стала политика «невмешательства» Центра в права и полномочия регионов, если те, в свою очередь, соблюдают правила политического поведения и лояльность Центру. Новизна отношений была естественным продолжением той борьбы, которая велась в предшествующий период между технократами и политиками, между политической и административной бюрократией, между Центром и регионами за передел сфер влияния. С внешней стороны, за последующие годы мало что изменилось в сфере институциональных основ общества. Были лишь ликвидированы наиболее одиозные новации хрущевского времени, которые вызывали сильное раздражение у различных групп элиты. В частности, было ликвидировано разделение местных партийных, советских и общественных организаций и органов по производственному принципу, что соответствовало интересам региональных элит; под давлением административной элиты Центра был восстановлен отраслевой принцип организации экономики страны; политическая элита добилась своего особого статуса по отношению к государственным органам как регулятор всех сфер жизни; бюрократия - и политическая, и административная - нашла взаимопонимание по поводу процедур комплектования номенклатур различного уровня.

Лишь две принципиальные новации появились в данный период, которые свидетельствовали о закреплении на уровне правовой нормы уже сложившихся отношений. Во-первых, речь идет о дальнейшей кодификации законодательства и определенном расширении прав и полномочий местных советов, принятом в конце 1960-х - начале 1970-х гг. Фактически, завершался процесс приведения в соответствие с новой концепцией общества всех звеньев представительных органов власти. Во-вторых, произошло конституционное закрепление особого положения роли КПСС в обществе. И то, и другое свидетельствовало о дальнейшем переделе сфер влияния: партийные власти перекладывали часть забот о регионах на местные советские органы, сохраняя за собой ключевое право регулирования взаимоотношений между субъектами политической и экономической жизни.

Однако за внешней стабильностью в 1960-1980-е гг. просматриваются глубокие внутренние изменения в положении и роли региональных элит. Стабильность их состава способствовала сплочению регионального сообщества руководителей на основе личных связей. Право номенклатурного контроля за областным, районным и городским уровнями власти привело к концентрации основных рычагов влияния в руках партийных властей, которые, соблюдая правила игры, старались без особой нужды не злоупотреблять ими при взаимоотно-

шениях с отраслевыми министерствами. Главное, что отличает данный период от предшествующего, - это превращение процедур назначения в основной механизм ротации кадров. Кадровый вопрос стал ареной политического торга, в рамках которого происходил обмен ресурсами между всеми факторами политического процесса, особенно между региональными и центральными элитами. ЦК партии сохранил за собой право персонального, номенклатурного контроля над кадрами фактически только по нескольким позициям, включавшим в себя секретариат региональных комитетов партии, председателя регионального исполкома совета. Все остальные назначения зависели либо от отраслевых министерств и ведомств, либо от регионов при формальном утверждении их ЦК.

Реально местные лидеры уже в 1970-е гг. стали полновластными «хозяевами» территорий, которыми они управляли. Под их покровительством происходил фактический раздел сфер влияния между различными номенклатурными группами, который был первой стадией подготовки к переделу капитала и собственности.

Уже в конце 1970-х гг. стало очевидно, что модернизационный импульс в стране окончательно захлебнулся. Страна нуждалась в новых стимулах развития. Однако для правящей элиты «повторение пройденного» в смысле реанимирования прежних рецептов модернизации казалось менее привлекательной идеей, чем поиск новых путей эволюции, органично вытекавших из их сложившегося статуса и возможностей. Поиск новых подходов, внешне напоминающих забытые рецепты 1930-х гг., был начат при Андропове. Он, помимо своего желания, нанес сильный удар по основам системы - по идеологическим устоям, заявив, что мы плохо изучили общество, в котором живем³. Первым лицом в государстве были санкционированы возможность сомнения и возможность теоретического поиска

Новации продолжились Горбачевым. Предложенные им меры вызвали двойственное отношение в рядах региональных элит. С одной стороны, становилось ясно, что их осуществление ведет к глубокой трансформации режима, утрате стабильности, возможной потере привилегированного положения. В этом смысле региональная элита как слой относилась к реформам настороженно. Но эти же реформы вели к глобальному перераспределению ролей, полномочий, сфер влияния. По этим вопросам в среде региональных элит уже не было единодушия. Соблазны оказались слишком велики, чтобы перед ними можно было устоять. Советская государственная элита становилась единственным реальным распорядителем ресурсов региона, все больше оттесняя партийную элиту, особенно учитывая ослабление Центра. Директорат превращался в неконтролируемого хозяина производств. Для духовной элиты исчезал идеологический контроль. Распад номенклатурной системы означал, что властный капитал перехо-

дил к тем факторам политического процесса, которым удалось к концу 1980-х гг. сконцентрировать в своих руках формальные рычаги власти.

Первые эксперименты с переводом предприятий на хозрасчет, с избирательной системой, с укреплением дисциплины не могли принципиально изменить систему. Но они смогли поднять волну ожиданий и готовности к действиям. Массовые кадровые замены на региональном уровне, предпринятые сперва Андроповым, а затем Горбачевым, не могли иметь сколько-нибудь значимого эффекта, поскольку не изменяли институциональную основу власти региональных элит. Лишь с конца 1980-х гг. начинаются важные институциональные изменения, которые даже при сохранении (в целом) персонального состава властных структур приводили к иному политическому результату. Таких изменений можно назвать три: ликвидация номенклатуры партии, изменение порядка выборов в органы Советской власти, отмену конституционного положения о руководящей роли КПСС. Фактический распад КПСС в 1990-1991 гг. привел кутрате Центром рычагов влияния на регионы, а обвал экономики оставил региональные элиты один на один с населением. Как и во времена Хрущева, элитам приходилось расплачиваться за эксперименты Центра, только тогда за спиной региональных элит была вся общественная система, сейчас же элита представляла сама для себя последний рубеж обороны.

1991-1993 гг. - период дальнейшего распада советской системы, остановить который было сложно. Это был самый тяжелый период для региональных элит, поскольку были утеряны идеологические, политические, организационные ориентиры и структуры властвования. Но именно в этот период вокруг исполнительной ветви власти стала формироваться прагматически настроенная часть элиты, которая стремилась воспользоваться открывшимися перспективами «вхождения» во власть или в собственность. Приобретение регионами статуса субъектов федерации, создание собственной законодательной базы, изменение способов легитимации региональных политических элит создали принципиально новую ситуацию в регионах, которая является лишь открытым выражением тех тенденций, которые зародились в предшествующие годы.

Социальные изменения менее заметны, их влияние на поведение региональной элиты не так ярко выражено, однако можно с уверенностью констатировать, что во второй половине XX века в СССР произошел мощный сдвиг в самом облике региональной элиты, который обусловил ее поведение в дальнейшем. Периодизацию социальных изменений невозможно диагностировать с такой же определенностью, как в политических институтах, скорее, можно вести речь о преобладающих тенденциях, проявления которых можно каким-либо образом анализировать.

Можно выделить пять основных социальных изменений, которые сыграли решающую роль в трансформации региональной элиты. Во-первых, это рас-

пространение высшего образования. Его получение означало повышение социального статуса представителя политической элиты, расширение его культурного кругозора. Повышение образовательного уровня элиты было одновременным и неоднородным по характеру и по темпам. Начало было положено политической руководством КПСС, направленной на ускоренное получение высшими региональными иерархами партийно-политического образования. К концу 1950-х гг. для высшего уровня региональной политической элиты эта задача была в основном решена за счет системы партийно-политического образования. В 1960-1970-е гг. высший уровень политической, а затем и других групп региональной элиты в основном пополняется за счет выпускников гражданских учебных заведений. Для региональной элиты уровня городов и районов эта задача была в основном решена уже в 1960-е гг.,⁴ а для лидеров городов - еще во второй половине 1950-х гг.³

Вторым социальным фактором, повлиявшим на поведение региональной элиты, был характер получаемого образования. По мере развития системы высшего и среднего специального образования в стране начинается интенсивный приток в региональную элиту специалистов промышленного и сельскохозяйственного производства. Уже в середине 1970-х гг. структура элиты приобрела типичные черты технократической элиты - 60% секретарей горкомов, райкомов, окружкомов партии были специалистами промышленного и сельскохозяйственного производства, среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик - более 70%.⁶

Третий социальный параметр включает в себя воздействие процессов урбанизации на формирование облика элиты. Урбанизация сказалась на образе жизни, привычках, культуре, менталитете. Даже лидеры элиты сельского происхождения в своем становлении испытывали постоянное воздействие городской культуры: в период обучения, работы на предприятиях, во время командировок и стажировок и др. Урбанизация сказывалась и на стандартах поведения, которым стремились следовать лидеры элиты. Наши исследования по региональной элите Пермской области 1960-1990 гг. показывают, что за данный период удельный вес выходцев из городов увеличился среди лидеров областного центра с 40.7 до 64.5%, среди руководителей городов области - с 18.7 до 52.9%; однако среди лидеров сельских районов уровень выходцев из городов изменился мало. В то же время доля выходцев из крестьянских семей сократилась среди лидеров партийных и советских структур областного центра с 52.0 до 12.9%, среди аналогичных категорий лидеров городов области - с 66.7 до 9.8%, среди лидеров сельских районов - с 71.4 до 23.2%.⁷

Важнейшее значение для стабилизации кадрового состава регионов имело прекращение практики принудительной ротации кадров. Против этой практики начинает выступать Хрущев, хотя и непоследовательно.⁸ Частые структур-

ные перестройки партийного и государственного аппарата не позволяли тогда решить проблему стабильности. При Брежневе стабильность кадров приобрела гипертрофированные черты (особенно в 1970-х гг.). На местном уровне стало предельно ограничиваться призвание «варягов». XXIV съезд КПСС фактически санкционировал курс на выдвижение к руководству региональными органами власти местных работников.⁹ Исключением были лишь регионы, в которых разврывалось массовое строительство промышленных предприятий, начиналось освоение необжитых территорий или местное руководство не справлялось с поставленными задачами. Замена на выходцев из других территорий продолжалась лишь на самом высшем уровне региональной элиты - на уровне лидеров партийных и государственных органов.

Наконец, последняя в этом перечне, но не последняя по значимости группа факторов, характеризующая социализацию личности в органах власти. Она изменила свой характер, в первую очередь - для политической элиты. В течение 1950-х гг произошло внешне малозаметное изменение в характере деятельности элит в регионах. Если раньше они выполняли функцию комиссаров, поставленных партией для решения задач «штурма и натиска», то теперь главным для них становится координация интересов и действий основных политических и экономических факторов региона, социальное и производственное обустройство подведомственной территории. Если в 1940-е гг. любой представитель элиты, как солдат партии, был готов по первому ее требованию занять любую должность, руководить любым участком деятельности, то теперь требовалось основательно вникать в дела области, города, района, предприятия. Если в 1940-е гг главным методом работы элиты был лозунг, нажим, призыв, администрирование, то теперь на первое место выходит умение достигать соглашения со всеми заинтересованными сторонами при соблюдении «государственного интереса», проведении «партийной линии».

Общим итогом этих социальных изменений стало формирование особой среды во властных отношениях, которую можно охарактеризовать как *квазирыночный технократизм*. Смысл данного понятия заключается в том, что отдельные представители элиты, ее фракции, группы, сегменты, отряды и т.д. строили свои взаимоотношения на основании практики согласований по поводу распоряжения материальными, финансовыми, людскими, кадровыми, властными ресурсами при приоритете экономических решений (в рамках существующей парадигмы развития). Основу квазирыночного технократизма составляли три элемента: интегративные процедуры принятия решений, распространенные на все уровни власти и сферы общества; разделение труда и сфер влияния, компетенции на основе критериев «рациональности» между различными группами и отрядами элиты, предполагавшее, в частности, сохранение за партийными органами функций макрорегулирования социально - экономической сферы и управле-

ние сферой властных отношений и идеологии; фактическое, хотя и «теневое», становление прав владения, пользования и распоряжения в отношении тех сфер деятельности, производства товаров и услуг, которыми руководили представители элиты.

Самым существенным в этой ситуации было создание предпосылок для размывания государственной и колхозно-кооперативной собственности, что означало принципиальное изменение условий общественного производства. Фактические отношения владения, распоряжения, пользования вступили в противоречие с существовавшими правовыми нормами и отношениями по поводу власти. Главными сдерживающими барьерами на пути радикального преобразования общественных отношений были КПСС и союзный Центр. Поэтому не случайно трансформация 1991-1993 гг. не встретила сколько-нибудь организованного противодействия на местах, поскольку в ходе ее уничтожались КПСС и Советы как органы, интегрировавшие власть и препятствовавшие проявлению различающихся интересов; создавалась система разделения властей, которая давала возможность продвижения во власть интересов различных категорий населения и руководителей производств, органов управления; ослаблялся союзный центр, в целом централизованное руководство, что создавало невиданные ранее возможности для перераспределения ресурсов, собственности, власти.

Период 1993-1997 гг. бы самым «творческим» для региональной элиты, поскольку она решала не только проблемы собственного выживания, но и, что было еще важнее, конституирования своего нового положения в системе власти. За четыре года произошла настоящая инверсия в положении региональной элиты. Новые региональные элиты, начав свое формирование с исполнительной ветви власти как зависимые от Центра в политическом отношении, превратились в систему элит, чьи действия регулируют и исполнительная, и законодательная ветви власти, лишь отчасти зависимые в политическом отношении от Центра. Режим делегативной демократии¹⁰ означает для региональных элит историческую передышку для решения своих основных проблем: гражданское общество еще не настолько окрепло, чтобы эффективно контролировать элиты; состав элит и отношения внутри них еще не настолько стабилизировались, чтобы препятствовать широкому переделу власти и собственности между отдельными группами элиты.

Вторая половина 1990-х гг, по всей видимости, завершает период более чем полувековой эволюции региональных элит в России (СССР), содержанием которого было их выделение из всей совокупности элит в качестве активной и самостоятельной социальной и политической силы, диверсификация и проявление их интересов в различных сферах. Это бы завершающий аккорд угасшего импульса модернизации, проводившейся в стране с первой половины XX века, без которого нынешняя региональная элита не могла бы состояться. Одновременно нынешняя стадия в развитии

региональных элит является одним из исходных условий, базой для возможного нового витка модернизации страны, в котором роль региональных элит, будем надеяться, будет принципиально другой.

Примечания:

¹ Как отмечалось в аналитической справке ЦК КПСС за 1954 г., в земельном кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., почти все положения устарели; лесной кодекс РСФСР, принятый в 1923 г., полностью не применялся. См.: Центр хранения современной документации, ф.5, оп.15, д.453, лл.66-68.

² Анализ динамики номенклатуры ЦК КПСС, регионального уровня проведен на основе изучения номенклатуры Пермского обкома КПСС за период 1948-1989 гг. и экстраполяции соответствующих данных на регионы России. Возможность экстраполяции объясняется унифицированностью состава и структуры номенклатуры ЦК КПСС по регионам и синхронностью ее изменения, общими принципами комплектования номенклатур регионов, определяемых директивами ЦК КПСС.

³ Андропов Ю.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС. 15 ноября 1983 г. // Андропов Ю.В. Ленинизм - неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. - М., 1984. - С. 481.

⁴ См.: Партийное строительство. Уч. Пособие. - М., 1981. - С. 294-295.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-и т. - Т.5. Кн.2. - М., 1980. - С. 564.

⁶ Справочник партийного работника. - Вып. 24. Ч. 2. - М., 1984. - С. 356.

⁷ Исследование проводилось при поддержке Московского общественного научного фонда. В рамках исследования были проанализированы биографии всех председателей исполкомов городских и районных советов Пермской области и секретарей соответствующих горкомов и райкомов за 1960-1990 гг.

⁸ Н. Хрущев на XX съезде КПСС выступил против чрезмерно большой сменяемости кадров, но одновременно призывал к замене руководителей, недостаточно подготовленных к партийной работе, и к выдвижению новых кадров (См.: XX съезд КПСС: Стенографический отчет. XI. - М., 1956. - С. 102-111).

⁹ XXIV съезд КПСС: Стенографический отчет. Т.1. - М., 1972. - С. 124.

¹⁰ Дня характеристики нынешней стадии развития существует уже множество определений: региональный авторитаризм, делегативная демократия, постноменклатурный патронат, режимная система и др.